

УДК 101.1:316.72+101.1:316.422

ИНКЛЮЗИЯ ПРОТИВ ПРИВИЛЕГИЙ: МОТИВЫ ЛОЯЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫМ ПОРЯДКАМ

А. И. ЕКАДУМОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Лояльность домодерным и антимодернистским социокультурным стратегиям обуславливается запросом на эксклюзивные возможности, юридическую и моральную безответственность. В свою очередь лояльность современному социальному порядку, гарантирующему инклюзию, объясняется стремлением акторов к обязательному равенству возможностей. Однако инклюзивный социальный порядок создает юридические помехи и моральные проблемы в реализации притязаний на исключительные права и моральную безответственность. Мотивационные преимущества инклюзивного социального порядка на фоне стремлений к свободе от юридической ответственности и моральных обязательств являются его слабыми сторонами. Вместе с тем высокая экономическая эффективность и высокий уровень защиты от насилия, гарантированные социальными институтами зрелого модерна, не согласуются с юридически санкционированными и этически приемлемыми практиками сегрегации. Лояльность домодерным или квазитрадиционным практикам и представлениям, санкционирующим сегрегацию, возникает из-за потребности акторов в высокой моральной самооценке, а также в юридической и моральной безответственности при извлечении выгод из неравенства возможностей.

Ключевые слова: порядок открытого доступа; порядок ограниченного доступа; инклюзия; эксклюзивность; рынок лояльности; власть предложения.

INCLUSION VERSUS PRIVILEGE: MOTIVATIONS FOR LOYALTY TO SOCIAL ORDERS

A. I. EKADUMOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Loyalty to pre-modern and anti-modern sociocultural strategies is motivated by the demand for exclusive opportunities, legal and moral irresponsibility, which cannot be satisfied by the institutions of mature modernity. Loyalty to the modern social order guaranteeing inclusion is motivated by the actors' desire for guaranteed equality of opportunities. However, the inclusive social order creates legal obstacles and moral problems in the realisation of claims to exclusive rights and moral irresponsibility. The motivational advantages of an inclusive social order are its weaknesses amid the aspiration for freedom from legal responsibility and moral obligations. The high economic efficiency and high level of protection from violence guaranteed by the social institutions of mature modernity, however, are inconsistent with legally sanctioned and ethically acceptable practices of segregation. The actors' need for both high moral self-esteem and legal and moral irresponsibility to benefit from unequal opportunities initiates loyalty to pre-modern or quasi-traditional practices and notions that sanction segregation.

Keywords: open access order; limited access order; inclusion; exclusivity; loyalty market; supply power.

Образец цитирования:

Екадумов АИ. Инклюзия против привилегий: мотивы лояльности социальным порядкам. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:27–31.

For citation:

Ekadumov AI. Inclusion versus privilege: motivations for loyalty to social orders. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:27–31. Russian.

Автор:

Андрей Иванович Екадумов – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Andrew I. Ekadumov, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences. ekadumov@gmail.com

Власть становится тем прочнее, чем больше свобод она предоставляет подвластным, которые в результате делают выбор в пользу властных решений при наличии альтернатив. Данная идея, высказанная Н. Луманом [1], выступает основанием для оценки перспектив конкурирующих социокультурных моделей в динамике глобального общества. В этом контексте лояльность институтам определяется качеством реализуемой ими власти предложения, т. е. совокупностью доступных возможностей, репертуаров поведения, востребованных подвластными и согласующихся с порядком господства.

Социокультурная стратегия модернизации знаменует переход от политико-экономического режима ограниченного доступа (естественного государства), предоставляющего эксклюзивные возможности обладателям вооруженной силы и богатств, к режиму открытого доступа, характеризующемуся возрастанием инклюзивности [2].

Модернизация утверждает принцип инклюзии, что обеспечивает присоединение новых участников к обществу как совокупности коммуникативных процессов. Расширение возможности для инклюзии – фактор лояльности современным политическим институтам, подробно исследованный Д. Нормом, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгастом [2]. Однако наличие как в модернизирующихся, так и в зрелых современных обществах стратегий демодернизации актуализирует проблему пределов лояльности современным институтам, предопределенных спецификой современного порядка. Иными словами, проблема «сосуществование – конфронтация» порядков открытого и ограниченного доступа внутри единой социокультурной системы может быть решена посредством определения присущих им возможностей мотивировать лояльность институтам, а также посредством выявления факторов дрейфа в направлении эксклюзивности или инклюзивности.

С учетом тезиса Н. Лумана о фундированности устойчивой власти совокупностью предоставляемых ею возможностей автор настоящей статьи полагает, что пределы лояльности властным практикам модерна определяются, наряду с прочими факторами, согласованностью персональных притязаний с моральным и юридическим универсализмом, а также с институционально подкрепленным морально-психологическим запросом на инклюзию. Если последовательная реализация равенства прав и расширение доступа к возможностям в социально-политической системе модерна предполагает лояльность именно универсалистской морали и равенству прав, то лояльность сословно-корпоративным юридическим и этическим системам соответствует запросу на эксклюзивность.

Власть современных институтов легитимна в контексте универсальной этики, но их эффективное функционирование противоречит реализации притязаний на исключительные возможности. Имен-

но в способности удовлетворять притязания на заведомые преимущества, безнаказанное насилие и моральную безответственность в отношении тех или иных групп или индивидов порядок открытого доступа и универсальная мораль уступают порядку ограниченного доступа и партикулярной морали. Наличие запросов на привилегии, фактические и формально гарантированные, санкционированные моральным самосознанием, – фактор лояльности антимодерным социокультурным стратегиям, политико-экономическому режиму ограниченного доступа.

Если институциональная система модерна (система открытого доступа) манифестируется в универсалистской идеологии эмансипации, предполагающей ориентацию на равенство в свободе, то антимодернизм представляет собой отказ от эмансипаторных стратегий модерна, который характеризуется игнорированием свободы другого человека. Это успешно осуществляется благодаря институциональным гарантиям неравного воздаяния за идентичные действия и усилия, а также благодаря юридически и этически санкционированной безответственности в отношении лиц и групп, не располагающих теми же эксклюзивными возможностями.

Если на глобальном рынке лояльности, где конкурируют модерн и суррогаты архаики, порядок открытого доступа предлагает адептам равенство в свободе, то порядок ограниченного доступа предоставляет гарантии эксклюзивной свободы за чужой счет.

Режим открытого доступа, защищая равенство в свободе, а именно принципы юридического и морального универсализма, тем самым навязывает равенство в ответственности. Режим ограниченного доступа допускает безответственность в отношении всех, кто не наделен достаточными привилегиями, существенно экономит моральные усилия, снижает экономические и юридические издержки. Такой режим ограничивает число лиц, которые способны на возмездие и чьи суждения могут быть приняты во внимание привилегированным актором, повлиять на его самооценку, вызвать в нем угрызения совести.

Социально-политическая инклюзия предполагает стремление к равенству в распределении рисков и вознаграждений при осуществлении схожих притязаний, в том числе моральных. Режим эксклюзивности, напротив, строится на асимметричном распределении свободы от последствий риска в пользу обладателей ресурсов насилия и богатства. Хотя в глобализирующемся обществе происходит универсализация рисков, трансформирующая прежние отношения неравенства, У. Бек рассматривает большую или меньшую подверженность рискам как четкий маркер социального положения, причем речь идет об обществе модерна, существенно обогнавшем домодерные порядки ограниченного доступа в предоставлении равных возможностей [3].

Свобода от рисков – это свобода от негативных последствий совершенного действия. Эффективная реализация универсальных обезличенных прав, свойственная режиму открытого доступа, если не устраняет асимметрию в распределении угроз и вознаграждений, то по крайней мере тяготеет к ее минимизации, умаляя эксклюзивные основания свободы от ответственности. Точно так же нарушение универсальных этических требований, прежде всего соответствующих приверженности этике запретов, по В. А. Лефевру, несет существенные угрозы моральной самооценке деятеля независимо от статуса жертв осуществленных действий [4]. Напротив, узаконенные привилегии и эксклюзивная, кастовая, сословная, корпоративная мораль перераспределяют и защищенность законом, и положительные моральные самооценки в пользу своих приверженцев-бенефициаров. Сторонник партикулярной морали и фактического юридического неравенства, занимающий выгодные социальные позиции, извлекает как властно-экономические бонусы из своего положения, так и социально-психологические выгоды из исповедуемой картины мира, в соответствии с которой люди в своих притязаниях на значимость неравноценны по природе.

Лояльность современным институтам заканчивается там, где начинается соблазн эксклюзивных возможностей. Сочетание социальных и морально-психологических бонусов, минимизирующее моральные издержки и максимизирующее выгоды от приверженности тем или иным практикам, выступает фактором институциональной лояльности.

Стремление к положительной самооценке – существенная психологическая потребность [5]. Соответственно, то, насколько удачно режимы открытого или ограниченного доступа способны ее удовлетворить, определяет лояльность этим режимам (помимо материальных мотивов). К факторам, определяющим институциональную лояльность, следует отнести как возможности повышения социального статуса, так и способность согласования поступков с выгодной моральной самооценкой и защищенностью от их негативных последствий.

Порядок открытого доступа, ориентированный на равенство в свободе, из-за механизма разрушительного созидания и институционально обеспеченной конкуренции во всех сферах влечет риски для претендентов на консервацию своего высокого статуса. Наряду с этим в морально-психологическом отношении универсалистская инклюзивная этика обесценивает моральные притязания, обеспеченные не личными достижениями, но социальной позицией. Кроме того, в условиях инклюзивного социально-политического порядка число лиц, чья моральная оценка способна приниматься во внимание и в отношении которых применяются те же этические требования, что и к себе, растет. Если всеобщие обезличенные права (и обязанности) отражают фор-

мальное равенство, нивелируя статусные позиции в отправлении правосудия, то моральный универсализм уравнивает схожие действия в их этической квалификации, независимо от статуса как морального деятеля, так и любого другого члена общества.

Хотя корпоративно-сословная этика предъявляет высокие требования к актору, число лиц, в отношении которых он обязан поступать в соответствии с принятым моральным кодексом, остается ограниченным. Пределы дозволенного и предпочтительно определяются границами каст, сословий и прочих иерархических групп с их партикулярной моралью, не распространяющейся за пределы этих сообществ. Порядок открытого доступа, помимо соблюдения равенства в правах, требует также следовать универсальной этике, фундирующей консенсус институтов. Такая инклюзивная этика санкционирует чужие притязания на равенство в свободе, автономию моральных квалификаций от статусов. Здесь социальное признание, сопряженное с высокой моральной самооценкой, не гарантируется принадлежностью к сословию, некоторой статусной группе и ее обычаям. В порядке ограниченного доступа моральный поступок универсализируется и вместе с тем индивидуализируется, поскольку лицо, в отношении которого осуществляется этически квалифицируемое действие, является не просто представителем некоторой группы с определенным репертуаром поведения, а анонимным носителем универсальных прав, уникальной самоценной личностью, равной актору в притязаниях на свободу, в том числе на свободу моральных суждений.

В инклюзивном социальном порядке претензии на богатство, власть и признание предполагают равные институциональные возможности их достижения. Эксклюзивный порядок, выстроенный как система привилегий, пропорциональных ресурсам насилия, допускает заведомые преимущества одних перед другими.

В системе открытого доступа по мере устранения социальных барьеров общественное признание, социально-экономическое и субъективное моральное возвышение (над равными в свободе) достигаются прежде всего благодаря реализации персональных усилий и талантов. Но режим ограниченного доступа способен утолять подобные притязания уже за счет наличия в иерархии тех, кто не равен в свободе претенденту на социальной и этический статус. Как отмечает Э. Аронсон, в условиях социальной сегрегации для психологического комфорта существенным оказывается наличие лиц и групп, находящихся на более низкой иерархической ступени, т. е. пораженных в правах и по умолчанию наделенных более низкой моральной оценкой безотносительно к фактическому проявлению моральных качеств [5].

Сословно-клановая мораль предоставляет своим адептам преимущества на высокую самооценку и вынесение суждений о чужих поступках в свою

пользу, поскольку лишена критерия универсальности, который учитывает уникальность чужой экзистенциальной ситуации. Категорический императив (этическая квинтэссенция инклюзивного порядка), соединяющий индивидуальное и универсальное измерения морального действия, не согласуется с этической эксклюзивностью и узаконенными привилегиями.

Порядок открытого доступа функционирует в логике созидательного разрушения, постоянного институционального самообновления, препятствующего монополизации высоких социальных позиций обладателями вооруженной силы и богатства. Порядок ограниченного доступа организуется вокруг баланса угроз, торгового обмена рент на лояльность ради максимального продления *status quo*, выгодного обладателям ресурсов насилия и богатства. Если бенефициары режима ограниченного доступа занимают достаточно высокие позиции, не предполагающие принятия рисков в борьбе за еще более высокий статус, их стратегия будет тяготеть не к личным свершениям, достижение которых может сопрягаться с рисками конкуренции, а к воспрепятствованию чужим свершениям, способным спровоцировать перераспределение ресурсов и положения в иерархии. Стратегия сохранения выгодного *status quo*, преобладающая в социокультурной системе порядка ограниченного доступа, требует сопротивления созидательному разрушению, гарантирующему воспроизводство (развитие) институтов порядка открытого доступа, недопущения равенства в свободе. В связи с этим политика и этика, оберегающие эксклюзивность, сопряжены с легитимирующими дискурсами, санкционирующими обесценивание, очевидное пренебрежение чужими притязаниями на более высокие социальные позиции и моральное признание. Традиционалистски-консервативный дискурс предоставляет адептам неравных возможностей приемлемые идеологические основания, производя натурализацию социокультурных позиций и вменяя требования жесткого статусно-ролевого соответствия. Лояльность режиму ограниченного доступа сочетается с партикулярной моралью, поскольку именно такая мораль санкционирует комфортное осуществление сегрегации.

По мере экспансии режима открытого доступа из-за производимой им смены технологий и эрозии рент прежние ресурсы насилия и богатства сокращаются. Одновременно в связи с ростом индустриальной мощи система открытого доступа развивает инклюзивные политические институты и утверждает этические образцы, усвоение которых сопряжено с обретением возможностей, предоставляемых режимом открытого доступа.

Лояльность современным институтам обеспечивается приобщенностью к новым благам, производимым в процессе созидательного разрушения, растущими гарантиями защиты, сохранением для проигравших

возможности участия в политической или экономической конкуренции.

Режим ограниченного доступа тяготеет к реализации принципа «победитель получает все», не связывая претензии бенефициаров с необходимостью достижения компромисса или консенсуса с оппонентами, оказавшимися на менее прочных позициях. Однако преимущества порядка открытого доступа, преследуемые конкурирующими элитами, победили на рынках лояльности ведущих современных держав. Режим открытого доступа позволяет более эффективно экономить насилие и производить широкодоступные блага.

Находящиеся у власти группы, как и их конкуренты, стремятся к обретению и сохранению лидирующих позиций в контроле над насилием и источниками богатства. Но институциональные условия и способы реализации этих притязаний разнятся в порядках открытого и ограниченного доступа. Для элит естественного государства конкуренция с могущественными контрэлитами опасна фатальным проигрышем в борьбе за власть и богатство (игра с нулевой суммой). Абсолютная победа здесь сопряжена с рисками абсолютного поражения и отсутствием гарантий проигравшему. Напротив, институциональные ограничения режима открытого доступа предотвращают как абсолютную победу, так и абсолютный проигрыш. Ограничение притязаний элит на консервацию своих преимуществ само выступает как институциональное преимущество, когда проигравший не теряет все и сохраняет шанс на реванш. С переходом к порядку открытого доступа война на истребление сменяется борьбой за переходящий приз. В этой более экономной в плане насилия институциональной системе универсалистская этика, не выносящая оппонента за пределы этического отношения, более приемлема, чем партикулярная, санкционирующая сегрегацию и геноцид в борьбе за абсолютную победу.

В экономическом измерении порядки открытого и закрытого доступа вполне способны к симбиозу. Наряду с эрозией рент режим открытого доступа продуцирует новые технико-экономические возможности, которыми могут воспользоваться успешные режимы ограниченного доступа. Но тесно взаимодействующие социальные порядки, ориентированные на инклюзивность либо эксклюзивность, вредоносны друг для друга. Принципиальные проблемы их сосуществования в системе транснациональной политики связаны с тем, насколько политические решения определяются требованиями этики и правового равенства. Правовая система открытого доступа предоставляет всеобщие гарантии, но не дает исключительных возможностей. Точно так же универсальная мораль санкционирует персональные притязания на значимость и равенство в достоинстве, но создает издержки, связанные с утратой эксклюзивности. Универсальная этика распространяет сферу персональ-

ной моральной ответственности на все человечество. Для рефлексирующего морального сознания это достаточно ощутимый вызов, чреватый психологическим дискомфортом от констатации персональной причастности к извлечению выгод из чужих лишений. Медийная глобальность расширяет эмоциональную вовлеченность в события без непосредственного участия в них, вносит в персональную этическую повестку глобальное измерение. Новые медиа навязывают осведомленность о последствиях причастности к институтам, производят эффект опосредованной вовлеченности в отдаленные моральные коллизии, провоцируют этическую рефлексию. Потребность в психологическом комфорте способна стимулировать запрос на партикулярную мораль, равно как и на раздельное мышление и цинично-наивное подавление рефлексии в ситуациях осознанного несоблюдения универсалистских этических установок ради извлечения персональных выгод.

Ощутимые экономические, статусные и психологические издержки, связанные с приверженностью универсалистской морали, или же ощутимые выгоды отказа от нее создают предпосылки как для примитивизации морального самосознания, подавления этической рефлексии, так и для дрейфа лояльности в направлении институтов, функционирующих на принципах эксклюзивности. Освобождение от расширенной моральной ответственности в пользу комфортной безответственности, осознанного извлечения выгод из чужих лишений – психологический бонус приверженности режиму ограниченного доступа.

Морально-психологическая заинтересованность в принятии партикуляристской этики, не приемлющей всеобщность моральной ответственности, – мотивационный ресурс для лояльности порядку ограниченного доступа, т. е. домодерным социокультурным стратегиям организации насилия и получения рент, поскольку именно институты ограниченного доступа, нормализующие сегрегацию, коррелируют с партикуляристскими морально-психологическими установками, оберегающими комфортную самооценку бенефициаров эксклюзивности. Выгодное сотрудничество с режимом открытого доступа несет порядкам ограниченного доступа угрозы отсроченной эрозии рент и дрейфа лояльности групп и лиц, чьи притязания институционально ограничены, в направлении современных институтов. Но для режима открытого доступа такое сотрудничество также несет риски, обусловленные соблазнами эксклюзивности. Взаимодействие с бенефициарами системы ограниченного доступа чревато коррумпированием участников режима открытого доступа, способных присоединиться к режиму эксклюзивных возможностей, выступая посредниками между двумя этими политико-экономическими порядками. Если фактором лояльности порядку открытого доступа выступает гарантированное равенство в свободе и ответственности, то лояльность порядку ограниченного доступа определяется перспективами осуществления привилегий, юридической и, что существенно для глубинной психологической мотивации, моральной безответственности.

Библиографические ссылки

1. Луман Н. *Власть*. Антоновский АЮ, переводчик. Москва: Праксис; 2001. 256 с.
2. Норт Д, Уоллис Д, Вайнгаст Б. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Узланер Д, Марков М, Расков Д, Раскова А, переводчики. Москва: Издательство Института Гайдара; 2011. 480 с.
3. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. Седельник В, переводчик. Москва: Прогресс-Традиция; 2000. 384 с.
4. Лефевр ВА. *Алгебра совести*. Москва: Когито-Центр; 2003. 426 с.
5. Аронсон Э. *Общественное животное. Введение в социальную психологию*. Москва: Аспект Пресс; 1998. 517 с.

References

1. Luhmair N. *Macht*. Stuttgart: Lucius & Lucius Verlagsgesellschaft; 1988. 156 p.
Russian edition: Luhmair N. *Vlast'*. Antonovskii AYU, translator. Moscow: Praksis; 2001. 426 p.
2. North DC, Wallis JJ, Weingast BR. *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Cambridge: Cambridge University Press; 2009. 328 p.
Russian edition: North D, Wallis J, Weingast B. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Uzlaner D, Markov M, Raskov D, Raskova A, translators. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 480 p.
3. Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Berlin: Suhrkamp; 1986. 391 p.
Russian edition: Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Sedel'nik V, translator. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. 384 p.
4. Lefevr VA. *Algebra sovesti* [Algebra of conscience]. Moscow: Kogito-Tsentri; 2003. 426 p. Russian.
5. Aronson E. *Obshchestvennoe zhivotnoe. Vvedenie v sotsial'nuyu psikhologiyu* [The social animal. Introduction to social psychology]. Moscow: Aspect Press; 1998. 517 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2021.
Received by editorial board 02.06.2021.